

Андрей Демьяненко

*Самое
правильное
решение*

Сбор современных сказов

Андрей Демьяненко
Самое правильное
решение (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10740704

ISBN 978-5-4474-1163-3

Аннотация

Самое правильное решение – это путь обычного человека к счастью. Рассказики – это шажки на этом пути. Теперь я осознаю, что каждый шаг тоже был счастьем.

Содержание

Окно в детство	5
Окно в детство. Поэтическое эхо	8
Гирлянда	9
Большая проблема	11
Настоящая бабочка	12
Дорогие слова	15
Настоящая бабочка. Друг	24
Ключи	27
Радость в магазине не купишь	30
Найти радость	33
Ангел	37
Продавец прошлого	39
Расстрел	47
Линия жизни	48
Бухгалтерия жизни	51
Механика обучения	61
Воспитательница	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Самое правильное решение

Сбор современных сказов

Андрей Демьяненко

© Андрей Демьяненко, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Окно в детство

Своё детство я помню плохо. Несколько моментов. Всё остальное, наверное, не важно. Помню, целовались под крыльцом детского садика с Ленкой, одноклассницей из того же сада.

Помню, как в старшей группе стащил у отца сигареты, и мы с пацанами курили, собравшись группкой у забора.

Помню, как под качели упал зимой. Ко мне бежит воспитательница. Помню, как зашивали рану на переносице под местным наркозом. И я не плачу. Врач сказал: «Молодец». А потом ехали домой с перевязанной головой в отцовской меховой шапке. Помню, как гордился, что голова перевязана, будто в бою ранение получил. Встревоженное лицо матери, когда вернулись.

С каждым годом моменты эти становятся отчетливее. Будто только вчера было. Иногда вспоминается что-то новенькое, словно окно в детство теряет мутность.

Так приятно бывает посмотреть в это окно...

Ехали с бабушкой на дачу. Теплый день, синие небеса, зелень деревьев. Такие краски чистые будто в калейдоскоп смотришь.

Бабушка говорит:

– Я в магазин зайду, ты меня здесь подожди.

Магазин – одноэтажный деревянный домик небесного цвета под ломаной крышей. До дачи еще километр. Я ждать не стал. Решил спрятаться. Побежал вперед. Наверное, юмор во мне просыпаться начал. Добежал, стою за кухней в малиннике. Жду. Малина выше меня, ладошки листьев к солнцу выставила, белые цветки и зелёные ягоды кое-где. Пчёлы жужжат, шмели. Досчатая охровая стена кухни нагрета солнцем. Тепло, спокойно. Тихо.

И вот бабушка:

– Андрюша! Андрюша!

Я молчу. Прячусь.

Бабушка опять:

– Андрюша!

Хорошо мне.

Затихла вроде... и вот опять:

– Андрюша!

Оп! А вот и я!

А бабушка сорвала прут березовый и принялась по спине и заднице меня охаживать. Березовая каша называется. Бабушка приговаривает: «Будешь знать, как убежать! Ты эту березовую кашу на всю жизнь запомнишь!» Боли не помню. Обиды не помню. Плакал, наверное. Помню, сижу перед кухней на площадке за столом деревянным некрашеным, всхлипываю. Щелочки в дереве. Муравей ползет.

– Есть хочешь? – спрашивает бабушка.

– Хо-о-о-чу, – отвечаю.

Яичницу помню. Белок белый-белый и желтки, как солнышки.

Воспоминание это самое яркое из детства. И самое счастливое. То ли из-за контрастности впечатлений, то ли из-за того, что это детство.

Моё детство, из которого я почти ничего не помню.

Окно в детство. Поэтическое эхо

Потускнели краски,
хохот через силу,
в новый день с опаской
окунаю рыло.

Это значит память
снова помутнела,
жизни светлый камень
грязен до предела.

Я давно не помню
вкус лесной малины,
вот бы мне потрогать
рыжую машину,
тот подарок детства
яркий, как желток...

Вижу пыль и плесень,
мутное стекло...
Чтобы вспомнить небо
детства моего,
что такое мне бы
запустить в окно?

Гирлянда

– Добрый вечер, уважаемые пассажиры! Хочу предложить вашему вниманию новогодние гирлянды, – вещал продавец, вошедший в вагон метро.

Теперь и здесь торгуют, – раньше только в пригородных электричках он них спасенья не было, а теперь и здесь... Спасенья нет.

– Лампочки работают долго, не перегорают, не бьются.

Продавец достал длинный зеленый жгут, утыканный точками светодиодов. Он продолжал тараторить, выделявая руками пассы, от чего гирляндная змея шевелилась, изгибалась – выглядела живой, хвост ее волочился по упертым в пол взглядам пассажиров.

Продавец нагнулся над своей сумкой, и гирлянда засветилась. Сначала вся, потом побежала световая дорожка, затем гирлянда замигала – быстро, так кокетливая девушка хлопает ресницами, изображая непонимание.

Народ упрямо смотрел в пол. Даже отражения мигания не появилось в их глазах.

Интересно, что он с собой аккумулятор носит?

Один мужчина подозвал продавца, протянул деньги, взял коробку. Ни радости, ни интереса. Скучающие руки крутили коробку, как кубик Рубика. Не решаемо. Открыл крышку – закрыл, открыл – закрыл. Ищет радость.

А продавец прошел через вагон по опущенным взглядам и сел рядом со мной, превратившись в одного из пассажиров. Ни пассов руками, ни отражений огоньков в глазах.

Может, купить гирлянду? Так есть уже одна.

Продавец вышел на следующей остановке. Осталось ощущение неловкости. Вот он ходит, показывает цветные огоньки, отражающиеся в стелах вагона и глазах, потом садится и становится пассажиром. Мы все как продавцы. Как ленивые продавцы, потому что редко достаем из сумки гирлянды. И так же редко получаем отклик. Просто едем оттуда, откуда уехали, туда, куда надо.

Завтра, – подумал я, – достану гирлянду и повешу на окно. Люди будут идти по улице, и кто-нибудь посмотрит на мое окно. Огоньки отразятся у него в глазах. Хотя бы огоньки гирлянды.

Большая проблема

Итак проблем немало, так еще и новогоднюю мишуру начали продавать рано. Чуть ли не с октября и во всех магазинах. С ребенком куда не зайдешь – новогодние соблазны.

Папа, давай купим то, давай это. Мне просто необходим подарок на Новый год – нормальная ребеночья философия.

Зашли как-то в гипермаркет.

– А купи мне Деда Мороза, – говорит сынишка.

Ряды бородатых красноносых рассматриваю... Выбор большой. Пластиковые и керамические, и в сереньких шубках и в красненьких, и наши и Сантаклаусистые.

– Какого тебе? – спрашиваю.

– Нет, – говорит, – мне не такого.

– А какого? – не понимаю я.

– Мне настоящего, – сообщает он. – Это все проблемы решит. Ты мне покупаешь Деда Мороза, а он мне – подарки.

– Да – улыбаюсь я, – проблем действительно поубавится.

И думаю, как объяснить ребенку, что покупка настоящего Деда Мороза – это проблема. Большая проблема.

Настоящая бабочка

Один мальчик очень любил складывать фигурки из бумаги. Мальчик сидел у открытого окна и вертел в руках фантики от конфет, превращая их то в журавлика, то в жука, то в собаку. Весь подоконник был уставлен разноцветными бумажными скульптурками.

Когда становилось темно, он зажигал свечу и складывал, складывал, складывал... Когда свеча гасла мальчик ложился спать, а утром новые фигурки появлялись на подоконнике.

Однажды вечером он сложил бабочку. Бабочка пошевелила лапками, проползала до карниза, замахала крылышками и перелетела на лужайку перед домом, где над цветами порхали настоящие бабочки.

- Привет! – крикнула бумажная бабочка.
- Вокруг закружилось несколько лимонниц.
- Ты кто? Ты кто? Ты кто? – спрашивали они.
- Я бабочка, – гордо отвечала бумажная фигурка.
- Ты не бабочка, – возражали лимонницы и к ним присоединились мотыльки, – ты не умеешь летать.

Но бабочка замахала крыльями и сделала круг над цветком.

– Ну и что! – заметила появившаяся шоколадница. – У тебя нет хоботка, чтобы собирать нектар и пыльцу.

– Я бабочка, – упрямо повторила фигурка

– Но на крыльях у тебя странный узор. Такого нет ни у одной настоящей бабочки, – сказала капустница.

– А что не так? – спросила бумажная бабочка.

– У лимонниц желтые крылья с двумя маленькими красными пятнышками посередине, мотыльки серые, белые, без узоров, у шоколадниц кирпично-красные крылья с черной каймой украшенной небесно голубыми пятнышками, мы капустницы белые с темными уголками вверху крыла и точками в середине крыла, – пояснила капустница.

– А ты? – спросил мотылек.

– Что я?

– У тебя на крыльях непонятный узор и написано: шоколадная фабрика, – заявил мотылек. – Ты не бабочка, таких бабочек не бывает.

Солнце садилось, дневные бабочки улетали. А бумажная – горько плакала.

– Как же так! – восклицала она между всхлипываниями. – Я бабочка!

Мальчик на окне зажег свечу.

– Свет! Свет! – закричали мотыльки. – Полетели скорей!

– Сгорите! – закричала бумажная фигурка.

– Ты не бабочка! – смеялись мотыльки, даже свет тебя не привлекает. – Ты точно не бабочка!

Мотыльки летели к свече. Огонь подпаливал им крылья, и они падали, трепыхаясь между бумажными фигурками.

– Я бабочка, – твердо сказала фигурка и полетела к свече. Огонь опалил ей крылья, как и настоящим мотылькам.

Она упала.

– Я бабочка, я бабочка, – шептала она. – Я настоящая бабочка.

Когда мальчик увидел среди фигурок бабочку с опаленными крыльями, он сделал фигурку мотылька из фольги.

Дорогие слова

Сын позвонил в конце рабочего дня.

– Привет, папа. Как дела?

«Понятно, – сообразил я, – что-то он хочет».

– Ты бы спросил меня «как здоровье?».

– Как здоровье? – спросил он.

– Здоровое. Рассказывай, чего хочешь?

– Хочу мульт посмотреть.

– Ты поел?

– Поел.

– Уроки сделал?

Идиотские вопросы, но и он ведь меня спрашивал «как дела?» и «как здоровье?».

– Остался русский, мне без тебя не справиться.

– А что такое?

– Опять сочинение.

– Без меня никак?

– Никак!

– Давай я приду, и вместе мульт включим.

– А когда ты придешь?

– Совсем скоро.

– Угу.

Когда я пришел домой, сын отсмотрел половину полнометражного мультфильма.

– Ага! Не дождался, – констатировал я, сделал перекусить и уселся к экрану.

Странно, но я люблю смотреть мультфильмы. То ли в детстве этого было мало, то ли из-за того, что только в мультях могут происходить невероятные вещи, то ли из-за веселости, то ли я так и остался ребенком.

После просмотра начались мучения. Я принялся готовить обед, а сын за кухонным столом уселся писать сочинение. Мучения для него – не для меня, мне готовить приятно.

– Дорогие слова, – объявил он тему.

Он не знал о чем писать и понимал, что процесс будет затяжным и муторным, папа же не сядет и не напишет за него сочинение. Одним словом – мучение.

– Дорогие слова – это золото, серебро, бриллианты, – предположил я, не понимая еще о чем речь.

– Нет. Не то, – засомневался он.

– Дорогие слова, это те слова, которые дорого можно продать, – понял я. – Допустим, один писатель, писал обалденные книги. И эти книги у издателя стоили очень дорого. Слова этих книг были дорогие...

– Нет, – пресек поток фантазии сын.

– Тогда, я ничего не понимаю, – затих я.

– Папа, мама – вот дорогие слова, – сказал сын.

– А-а-а... дорогие для тебя слова.

– Сочинение должно состоять из трех частей, – сообщил сын.

– Одна из них – название, – пошутил я.

– Это четвертая часть, – серьезно поправил сын. – Кстати, что ты думаешь, если назвать «Дорогие слова».

– Свежо и очень неожиданно.

– А что? Хорошее название. Так и назовем. Так вот... Сочинение должно состоять из трех частей.

– Да-а? – заинтересовался я.

– Да. Вступление, окончание и средняя часть.

– Композиционно верное решение, – одобрил я.

– Не помню, как называется средняя часть, – сообщил он.

– Середина? – улыбнулся я.

– Нет. Но не важно, – он тоже говорил игривым тоном, мой юмор чувствовал давно, даже перестал уже спрашивать «Папа, ты шутишь?».

– Как не важно? – хорохорился я. – Это же самая основная часть! Обычно самая большая. Там все происходит, все развивается.

– Угу, – согласился сын. – Как бы начать?

– Нет ничего проще, – сообщил я и замолк, пусть сам думает.

Писать сочинение за один присест неинтересно. Нужно побродить по квартире, посмотреть в окно, отвлечься на комиксы и игрушки. «Как бы начать?» – раздавалось из разных мест квартиры, пару раз даже из холодильника.

– Может, просто? – поборов головокружение от вертящегося звука спросил я. – Дорогие для меня слова – это мама,

папа и так далее...

Сын сразу оказался за столом.

– Записываю. Дорогие слова – это...

– Важно, что дорогие для меня слова! – поправил я. – Для другого человека это может быть совершенно другой набор.

– Дорогие слова для меня, – снова начал сын.

– Как-то не по-русски, – заметил я. – Лучше так: дорогие для меня слова.

– Почему это так лучше?

– Звучит лучше. Ты же русский человек. Должен слышать.

Это же музыка.

– А по-моему, все равно, – заупрямился сын.

– Не знаю, мне так не кажется. Эти две фразы, как огурец и конфета. Ты что выбираешь?

– Конфету.

– Нет. Ты выбираешь огурец!

– Ладно, – согласился он. – Пусть будет по-твоему. Дорогие слова для меня...

– Дорогие для меня слова! – выстонал я.

Наконец фраза записана. К маме и папе прибавились бабушка, дедушка. Рассматривались варианты дом, Родина, Россия. Но я решил, что Россия – это Родина. А дом – это строение.

– Так... Что писать в средней части, – эхом отдавалось из углов квартиры, за столом понятно никого.

– Развивай тему, – посоветовал я.

Метание звука продолжилось.

– Папа приходит с работы поздно, – начал я, – кушает, включает телевизор и с газетой заваливается на диван. Если сын подходит к нему с вопросом, папа всегда отвечает: «Отстань, не до тебя!» или «Я занят!». Именно поэтому «папа» – дорогое для меня слово. Слишком часто приходится его произносить, чтобы что-нибудь добиться.

Сын оказался за столом, но записывать не стал.

– Так? – спросил я. – Поэтому?

– Нет, – ответил сын.

– Может, потому что он разрешает смотреть мультфильмы и пользоваться компьютером, не то, что мама?

– Мама, папа, бабушка, дедушка – это дорогие и близкие мне люди. А Родина – я там родился.

– Замечательно! Только слова у тебя дорогие, близкие – тоже дорогие. Как-то банально все это. Мне кажется, что нужно разделить эти понятия. Мама – отдельно, папа – отдельно, бабушка – отдельно, дедушка – особняком. Ведь все они разные и по-разному тебе дороги.

– Бабушку я люблю за то что... – снова начал сын.

– Нет, нет, нет! Не годится, – запротестовал я, – дедушку я продам за пуговицу от штанов, а папу за ракушку. Разве можно знать, за что любишь? Резонно?

– А как? – растерялся сын.

«Как? Как? – подумал я. – Туманно. Расплывчато!»

– Бабушка играет с тобой в бадминтон, в мяч, ходит гу-

лять? – спросил я.

– Угу, – согласился сын.

– Так и напиши.

– Как написать?

– Как я сказал.

– А как ты сказал?

– Бабушка играет с тобой в бадминтон, в мяч, ходит гулять, – повторил я.

– А дед?

– Дед? Дед с тобой рыбу удит. Я... Может, я готовлю хорошо? А мама? Маму за... С мамой почему тебе хорошо?

– Не знаю, – ответил сын.

– Так спокойно и хорошо бывает, только когда обнимет мама, – выдал я. – А Родина?

– Родина – место, где я родился.

– Если б ты родился на помойке, помойка была бы твоей Родиной? Это же бред!

– Бред.

– Дом, папа, мама, бабушка – это все и есть твоя Родина. Что родное – то и Родина. У них даже кони одинаковые – «род». Родня, Родина.

Сын вздохнул:

– А с третьей частью чего?

– Третья часть – это заключение, – сообщил я.

– И что с ней?

– Что? Что? Ты написал середину, подведи итог. Нужно

красиво завершить. Это то, ради чего ты писал все это.

– Да? Разве?

– Ну да. Вышеназванные понятия дороги мне, поэтому и слова их обозначающие тоже дороги для меня. Сын что-то чиркнул в блокноте и теперь бродил по квартире, что-то выпрашивая у стен, до прихода мамы.

К двенадцати ночи общими усилиями сочинение было написано. К дорогим понятиям прибавились: семья, друг и еще что-то.

Оказалось, мама и папа – близкие люди, потому что сын с ними с рождения. Бабушка и дед – то, что я предлагал, только выяснилось, что дед рассказывает интересные истории. Родина – место, где сын родился и живет, и если надолго уезжает, то скучает. Набор банальностей.

Нормальное сочинение для начальной школы. Только в начальной школе и можно писать такие сочинения. В воспитательных целях. Взрослый человек вряд ли может такое написать. Хрупок кристалл его мира, трещины знаний и разочарований разрушили чувства. И поздно его воспитывать. И в школе он уже не учится, надобность в писании сочинений отпала. А я сел и написал, якобы от имени сына, и вот что у меня получилось...

Дорогие для меня слова – это мама, папа, бабушка, дедушка, семья, друг, Родина.

Мама прекрасно умеет занудствовать, если я делаю что-то

не то, то она начинает ныть. Понятно, если бы сказала один раз, и хватит. А-то ноет и ноет. Ноет и ноет.

Папа частенько приходит с работы под мухой и начинает городить всякую чушь. Он думает, что это смешно. Воображает, что у него хорошее чувство юмора. А, по-моему, у него с головой не все в порядке. Иногда уж такую откровенную фигню сказанёт, что даже мама ныть начинает. И ноет и ноет!

Бабушка, пожалуй, самый положительный человек в этой семейке. Она действительно много со мной гуляет. Но недостаточно много! Можно и больше! Можно постоянно! А-то время на разгадывание кроссвордов остается и на сериалы.

Дед – зануда. Пожалуй, он порет еще большую чушь, чем папа.

Семья – это вот эти люди, которые живут в одной квартире, и шумно выясняют между собой отношения, когда я смотрю телевизор. Когда мне нужна полная тишина.

Друг – это человек, который может заявиться к тебе в любое время даже во время выяснения отношений в семье или во время нытья мамы и хрен его выпрешь.

Родина – это не место. Родина это там, где хорошо. Где ощущаешь себя дома, даже если кругом бардак, и так хреново, что даже непонятно, почему так хорошо.

Да, кроме как банальностями дорогие слова не опишешь.

Почему эти слова для меня дорогие? И дороги ли они для меня вообще? Не знаю.

Не знаю!!

Настоящая бабочка. Друг

Я уже рассказывал про мальчика складывающего фигурки из разноцветных бумажек, фантиков и фольги.

Мальчик постоянно сидел у открытого окна. Во дворе на лужайке бывало играли в мяч соседские мальчишки, а он только сидел, смотрел и складывал.

– Иди к нам! – кричали мальчишки.

– Не могу, – грустно отвечал Серёжа.

– Ты не настоящий, – дразнились они. – Все настоящие играют в мяч!

– Сережа ничего не отвечал, он складывал фигурки. Он бы очень хотел побегать по траве, попинать мяч, но у него болели ноги.

Он не мог играть, не мог ходить, все, что он мог, это сделать из бумаги свою команду футболистов, в которых играл на подоконнике, заставляя их гонять бумажный катышек.

Однажды Сережа сделал мотылька из фольги. Сережа и не заметил, как мотылек встрепенулся и упорхнул на лужайку перед домом. Настоящие бабочки его не приняли. Они говорили о том, что у него другой цвет, что у него нет хоботка для сбора нектара. Но больше всех над ним издевался смешливый мотылек. Он порхал вокруг, и захлебываясь от смеха, находил все новые и новые отличия. Он смеялся

над складками на теле конфетного мотылька, над его неуклюжим полётом, над серебристым цветом крыльев.

Когда наступил вечер, а Сережа снова зажег на окне свечу, мотылек воскликнул:

– Полетели! Там свет! – Все настоящие мотыльки летят на свет!

И они полетели. Крылья настоящего мотылька вспыхнули, и он упал.

– Что с тобой? – заволновался мотылек из фольги, его-то крылья не могли сгореть.

– Я почему-то не могу взлететь, – заплакал настоящий мотылек, ползая по подоконнику. Что-то произошло с моими крыльями...

– На мои, – сказал конфетный мотылек. – Я все равно ненастоящий.

Мотылек перестал плакать.

– Ты настоящий, – сказал он. – Настоящий друг.

Утром соседские мальчишки снова играли в футбол, а Сережа сложил из бумаги журавлика, который вдруг вырвался и стал кружить над головами играющих.

Ребята прервали игру и смотрели, как разноцветная птица резвится в воздухе.

– Откуда? Откуда она взялась? – спрашивали ребята.

Еще один журавлик выпорхнул из рук Сережи.

– Как здорово! Научи нас! – просили ребята наперебой.

Серге́а улы́бнулся и взял но́вый лист бума́ги.

Ключи

Ты мне протянула ключи.

– Что это? – спросил я.

Тут же отворилась дверь в моё прошлое, в тот день, когда я первый раз убежал из дома. Не помню, в каком классе. В пятом? В шестом? Может быть. Занятия уже закончились, и мы проходили летнюю практику – убрали парк. Причиной моего бунта родители, вероятнее всего, назвали бы переходный возраст. Я не хотел есть суп, за что получил порцию ора. Не стал спорить. Выбежал из квартиры, не взяв даже ключи, и поехал на дачу. Думаю, я хотел, чтобы меня воспринимали взрослым. К тому времени я уже много раз ездил на дачу один, мы её тогда только строили. Родители бывали там каждые выходные, причём уезжали в пятницу, а мне наказывали являться в субботу после занятий в школе, помогать.

Школа. Открылся сразу весь пласт воспоминаний. Лица преподавателей. Классы. Конечно, не каждая минута протирания комплектов школьной формы, но ведь найдутся вещи, которые тоже, как ключи от прочих минут.

Учебник биологии. Я сижу за одной партой с девочкой, которая мне очень нравится. А ей не нравится картинка из учебника: нечто зелёное, возможно, огромная инфузория туфелька в среде обитания. Я же специально открываю учебник на этой вкладке, когда она смотрит в мою сторону. Ведь

дёргают же мальчишки предмет своего обожания за косички! У неё нет косичек. И я показываю гипертрофированную инфузорию. Взгляд её убегает в сторону.

Лафет старинной пушки. Мы изготовляли макет в кабинете труда. Рано утром, перед занятиями я решил украсить его резьбой. И засадил маленькую стамеску себе в указательный палец. Вот этот шрам. Помню каждое мгновение того утра. Больница. Доктор, дрессирующий студентов. «Интересный случай», – говорит он, и просит студентов руководить его действиями. Мне накладывают жгут на палец, обкалывают новокаином. Вытаскивают стамеску. Недавно я наткнулся на неё в инструментах, там до сих пор спёкшаяся кровь. «Что теперь?» – спрашивает доктор студентов. «Надо пошевелить пальцем, проверить, не повредил ли сухожилия», – думаю я и шевелю пальцем. У меня хорошо с биологией. «Надо пошевелить...» – дублируют меня студенты. «Пошевелите», – говорит доктор. Шевелю! Перевязанный еду на второй урок. Чувствую себя героем. Второй урок – музыка.

Нас, плохо поющих, а зачастую просто открывающих рот, строили перед классом и заставляли исполнять разученные песни. Музичка ходила позади нас, наклоняла голову вперёд, вслушиваясь в наши фальшивящие голоса. Отпуская всё же поющих, пока не оставался один. Не я! Я успел сбежать от такого позора и сижу на последней парте, краснея.

Флаг. Мой друг снял флаг со школы. В то время это была политическая акция. Пионеры с комсомолом ещё не умерли.

И я носил пионерский галстук. Сначала с гордостью, затем с равнодушием, позже прятал в карман. Устав комсомольской организации учить было лень – казалось бессмысленным. А ведь как я гордился, когда меня приняли в пионеры! Была зима, я шёл в расстёгнутой куртке, чтобы все видели, как огонь бьётся под воротником. А друг флаг снял. Этой теме было посвящено классное собрание после уроков.

После уроков оставляли и меня. Кабинет драить. Наша классная закрыла мой портфель с учебниками, чтобы не сбежал. Пришла, открыла кабинет, и её отвлекли. Я взял портфель и сбежал.

Да-да, и тогда сбежал на дачу. Туда уже перебралась бабушка с братом и сестрой. Не думал о том, что будет дальше. Мне важно было уйти от ора, от поедания супа, от отношения ко мне, как к ребёнку. Бабушка удивилась. Я наплёл нечто правдоподобное. Переночевал, и с утра поехал к линейке. Перед работой трудников строили во дворе. Пришла мать и, ни слова не говоря, протянула мне ключи от квартиры.

Я по-прежнему стараюсь убежать от проблем, и настоящее даёт мне ключи от будущего.

Теперь и ты мне протягиваешь ключи.

– Что это? – спрашиваю я.

– Это ключи от нашей новой квартиры, – говоришь ты и улыбаешься.

Я обнимаю тебя. Любимая. Ты мой ключ в будущее.

Радость в магазине не купишь

Я шел домой через двор и в сугробе увидел обезьянку. Самое подходящее для неё место. Идиллическое.

Я огляделся, на улице никого: ни прохожих, хоть отдаленно напоминающих владельца такой экзотики, ни детей.

Поднял обезьянку и сунул себе за пазуху.

– Ну зачем же ты сбежала, от своего хозяина? – поинтересовался я. – Или хозяйки?

Я подошел к парадной, нагибая голову и направляя голос в отворот куртки.

– Это ты была плохой обезьянкой или хозяева твои были нехорошие?

Говорил, поднимаясь по лестнице:

– Теперь ты будешь игрушкой моего сына. Не знаю насколько он будет хорошим хозяином, да и ты я вижу дама с характером, но надеюсь, что вы подружитесь.

Я открыл дверь, и в коридоре меня встретил сын, обняв ноги.

– Привет, папа!

– Привет! – сказал я тоненьким голосом, вытаскивая обезьянку из-за пазухи. Надел ее на руку. Она была похожа на коричневую рукавицу с двумя большими пальцами, изображающими руки, смешная голова надевалась на указательный... .

– Привет-привет, Илюха! – сказал я за обезьянку, покачал ее подчиненной головой. – Меня зовут Ксюха!

Почему я выбрал это имя? Не знаю. Ляпнул первое, что пришло в голову.

Обезьянка обняла сына за шею. С этой минуты они не расставались. Обезьянка контролировала, как мальчик ест, как ложится спать, как хулиганит, и была очень недовольна (если такое случалось) плохим поведением мальчишки, даже осуждающе качала головой из стороны в сторону.

Ну кажется, что такого – простая тряпка, надеваемая на руку – а столько радости, столько чувств. В магазинах тонны чудесных игрушек, часть из них перекочевали на полку около кровати. И перманентно радуют ребенка, выполняя свои социальные игрушечные роли.

Но любимая одна! И она не продается в магазинах. Я высматривал нечто похожее, когда обезьянка сбежала.

Илюха поехал с бабушкой на новогодний праздник. Они ехали обратно и задремали. Обезьянка выпала из ослабших рук. Спихнулись, но троллейбус уже ушел с кольца на линию. Там где-то на линии у обезьянки появился новый хозяин... или хозяйка.

Сын пришел расстроенным и виноватым: друзей разве забывают в троллейбусе?

Я успокоил его, как мог, напомнив, что у обезьянки свободолюбивый характер. Сбежала от прошлых хозяев.

Все свалил на неё.

– Ты не виноват, – заверил я сына. – Может, ей просто надоело у нас? Убежала и убежала.

– А может, она вернулась к прежнему хозяину? – спросил сын.

– Может! – обрадовался я. – Мы с мамой купим тебе похожую игрушку. Или сошьем.

Но ни то, ни другое не было сделано. Прошло уже почти десять лет, а я до сих пор помню Ксюху. И сын помнит.

Я бы хотел писать такие рассказы, похожие на эту ситуацию, похожие на неожиданную находку в сугробе, приносящие радость...

Если у меня не будет получаться, то я научусь шить игрушки, и лучшие буду оставлять на улице.

Найти радость

Таня надела перчатки, поправила воротник пальто и ушла, закрыв магазин на обед.

– Вы слышали? Слышали, что она сказала, когда разговаривала по телефону? – тут же очнулась обезьянка.

– Она сказала, что мы не настоящие, по-моему, так, – произнес медвежонок. – Кому она это сказала? Зачем?

– Сама она не настоящая! – сказал Кен, мальчик в костюме.

– И главное, почему ненастоящие! – возмущалась обезьянка.

– Потому, что мы не приносим радости, по-моему, так, – прогудел медвежонок.

– Поддельные! – воскликнула обезьянка, подпрыгивая на четырех лапах.

– Сама она поддельная, – буркнул Кен. – Она будто радость приносит.

– Где ее взять, эту радость? – спросил медвежонок – По-моему, нигде.

– Да уж! Одно беспокойство. Скоро Новый год, а кому мы нужны? Сейчас у людей другие игрушки, – обезьянка перепрыгнула со своей полки на искусственную елку, украшенную шариками, и строя рожицы проговорила в блестящий шарик, – кому мы нужны?

Шарик покачнулся.

– Как кому нужны? – возмутился Кен. – Я, например, очень даже нужен. Со мной можно моделировать жизненные ситуации. Скандалы всякие.

– Вот радость-то! – проговорил трансформер.

– Ну, или секс! – придумал Кен.

– Тоже сомнительно... – возразил трансформер.

– Вы просто красивые безделушки, – напыщенно проговорил Кен. – Много с вами промоделируешь в мегаполисе? А я один из жителей этого города.

– А я могу трансформироваться, – возразил трансформер, – и сражаться. Что будет с твоим мегаполисом если на него нападут инопланетяне?

– Много радости в войне! – оскалилась обезьянка.

– Радость не в разрушении, радость в созидании, – сказал конструктор. – Я состою из сотен непонятных штучек, но из штучек можно построить и трактор, и дом, и космический корабль.

– Радость в самопожертвовании, – сказала хлопушка и взорвалась.

Игрушки подпрыгнули на полках, некоторые попадали.

– И где радость? – спросил медведь, поглаживая шерсть на пузе. – По-моему никакой.

– Радость она во взаимодействии, в движении, – обезьянка потрогала елочную игрушку. – Правда, шарик?

Шарик закружился.

– Он когда просто висит – он скучный, а когда движется – веселее! – обезьянка еще раз крутанула шарик.

Он соскочил с ветки, упал и разбился.

– Угу, – засмеялся трансформер, – мне нравится такое движение.

– Мне кажется, – заговорила Барби, – она все это время примеряла наряды и прихорашивалась. — Чем дороже игрушка, тем больше она приносит радости. Я вот одна из самых дорогих.

– Правильно, – воскликнул Кен и пририсовал себе на ценнике ноль, потом второй. – Сейчас я всех сделаю приносящими радость.

И Кен пошел на всех ценниках дописывать цифры.

– А мне кажется, что такие худышки, как ты вообще не могут приносить радости, – заметил габаритный пупс. – Я хоть и стою недорого, но выгляжу внушительнее.

– В тебе пустоты больше, – фыркнула Барби. – И аксессуаров нет.

– Не спорьте, – зашуршала ветками елочка, – в этом точно нет радости.

– Как нет? – возразила Барби. – Поорешь, поскандалишь и вроде легче.

– Это от худобы тебе хочется скандалить, – улыбнулся пупс.

– Я думаю, что люди не настоящие, поддельные. По-моему так, – заключил мишка.

– Поддельные! – перепрыгнула обезьянка к себе на полку.

– Почему это? – остановился Кен, он уже всем приписал по несколько нулей. – Им тоже ноликов не хватает?

– Поддельные, потому что радости в них нет, – сказал медведь.

В двери заворочался ключ – вернулась Таня. Игрушки замерли. Таня прошла за кассу, взяла мишку, крепко-крепко обняла, и, уткнувшись лицом в его пушистую голову, заплакала.

– Он не пришел, – шептала она. – Обещал прийти и не пришел.

Слёзы стекали по румяным от мороза щекам и падали на белую шерстку. Одна из слез попала на пластмассовый глаз мишки. На мгновение показалось, что белая пуговица с небесным зерном живая, что это именно она выдавила слезу.

– Не плачь, – попросила Таня мишку и вытерла слезинку. – Он, наверное, на работе замотался. Он обязательно придет. Скоро-скоро! Еще до Нового года.

И Таня улыбнулась.

Ангел

Когда мир трещит по швам, как старо-маленькие брюки на толстой жопе, когда отовсюду приходят вести о смерти или просто плохие вести, когда отворачиваются близкие, отталкивают любимые – ты спускаешься под землю.

В метро.

На Старой Деревне.

За плечами рюкзак, нагруженный хламом, и даже не придумать, что там есть ценного, дорогого. Просто вещи. Пропади этот рюкзак, вряд ли вспомнишь, что там было.

Слезятся глаза после бессонной ночи, поёт живот, болит нога, желудок и голова...

Что за дикий набор!?

На переходе, где-то в лабиринтах подземки подходит мужик.

Он вроде опрятно одет, над длиной (приблизительно, как у тебя) седой щетиной потерянные глаза.

У мужика неровная прыгающая походка. Его пошатывает. Но скорее не как пьяного, а как вдетого, – с некоторой нервозностью...

Он подскакивает и спрашивает: «Ты ничего не боишься?!»

И ты отвечаешь: «Ничего не боюсь!»

Он сжимает кулаки.

Несколько раз.

Сжал-разжал-сжал.

Ты ждешь, когда в его руке появится нож.

Он выбрасывает руку вперед, большой палец оттопырен.

«Сломай мне палец! – восклицает он.

Глаза его сверливаются в твой череп.

Знакомься! Теперь это твой Ангел.

Продавец прошлого

Роману Всеволодову, Сергею Шаповалову

Именно когда пытаешься сосредоточиться, раздаётся звонок. Кирилл даже сосредоточиться не успел, только взял ручку. Звонок был в дверь. С сожалением, отложив пишущий цилиндр и отогнав мысль «не открывать!», он не любил не открывать, Кирилл распахнул дверь. Первое, что он увидел – широчайшую улыбку. Улыбка почти скрывала лицо Валеры, тело пряталось за холстами.

Валера без приветствия бесцеремонно отодвинул друга и стал расставлять картины в коридоре. Он сновал муравьём и втаскивал с лестницы всё новые и новые холсты.

– Представляешь, – говорил он, – я думал, я их потерял.

– Как это? – не понял Кирилл.

Валера выпрямился, застыл.

– Я их сжёл. Помнишь, я рассказывал эту историю с Союзом художников.

Валера продолжил снование.

Лет десять назад Валера попытался вступить в Союз и пришёл к мэтрам со своими работами.

Как плохо мэтры играли в футбол, не знал никто, но отфутболивали они хорошо. После долгих походов от одного к другому Валера получил-таки ответ:

«Ваши работы м-м-м... как бы это помягче сказать... г-г... хлам. Не надо больше сюда приходить».

Валера вернулся домой, собрал все работы, вынес на помойку и сжёг.

А теперь заносил их, насколько понял Кирилл, к нему домой.

На долгое время Валера отказался от кистей и красок, только сейчас начал вновь писать.

Они сидели за столом на кухне, пили чай, кругом стояли холсты. Многие Кириллу нравились. Странная живопись, но в ней было что-то притягательное. Уродцы, отдалённо похожие на людей и животных, разыгрывали сценки из жизни. Но каждый из нарисованных созданий вызывал отклик. Великолепное чувство цвета и интересная техника. И этого человека не приняли в Союз.

– Как это получилось? – спрашивал Кирилл.

– Не знаю, – улыбался Валера. – Я думал, я их сжёг. Может, это было помешательство... Я ничего не соображал. Думаю – приснилось.

– А как? Как они вернулись?

– Я сел писать. Не идёт ничего. И вдруг вспомнилось, как я писал эти холсты, – Валера широким жестом обвёл полотно. – Мне так захотелось на них посмотреть... Вернуть их. Звонок в дверь. Стоит мужик бомжеватого вида. Я уже хотел ему сто рублей дать, чтобы не разговаривать, а он: «А вы

не хотели бы вернуть утерянное, то, о чём сожалеете?» Я сразу начал вспоминать, где накосячил, как это можно переиграть. А он достаёт из мешка полиэтиленового, позвякивая бутылками, картинку. Я смотрю – моя. Моя работа!

– Мистика какая-то.

– Ага. Я тоже сначала не поверил. Схватил, смотрю. Моя кисть. Подпись моя. Я говорю: «Что вы хотите за это?» Он говорит: «Тысячу». Тысяча за прошлое – это ведь не дорого... Ну да, маленькая работа. Но это же моё прошлое. Я отдал ему штуку. Он уходит и говорит: «Это тоже ваше». Я выглянул и обалдел. Там вся лестница заставлена. Ну, я сразу к тебе.

– Охренеть! Об этом роман писать нужно!

– Роман... – и Валера снова счастливо улыбнулся.

– У меня тоже сейчас потеря... – пожаловался Кирилл.

– Вдохновение потерял? – расхохотался Валера.

– Закрыли сайт, на котором я выкладывал свои вещи. Что-то восстановил, конечно, но процентов двадцать-тридцать утекло.

– А что, у тебя на компьютере ничего не сохранилось?

– Осталась мелочь какая-то, я же прямо в окне браузера писал многие вещи. Так что-то у меня, что-то у друзей, что-то печаталось, я даже писать снова ручкой начал, чтобы хоть черновики остались, если что, – вздохнул Кирилл.

– А с администрацией сайта нельзя связаться?

– Да пробовал я. Не отвечают.

Кирилл подумал, что вернулся Валера, он только закрыл за ним дверь.

На пороге стоял небритый, низенький мужичок в коричневом полупальто, зелёной кепке и стоптанных кроссовках, у которых не то чтобы цвет было сложно разобрать, а сложно было не спутать, на какую ногу надевать. В руках полиэтиленовый мятый пакет, мелодично позвякивающий.

– Вы ко мне? – удивился Кирилл.

– Вы не хотели бы вернуть утерянное, то, о чём сожалее-те? – спросил мужичок.

– Сколько?! – Кирилл тут же понял, что вот она – его уда-ча.

– Тысячу, – произнёс мужичок.

Кирилл нервно выхватил из кармана тысячу и отдал. И смотрел, как мужичок медленно расправляет бумажку, смотрит её на свет и с трудом засовывает в лопатник, распухший от тысячных купюр.

– Скажите, а откуда вы достаёте?..

– Прошное? – поднял взгляд выцветших глаз мужичок.

– Да... да, верное слово... Прошное, – произнёс Кирилл.

– А не всё ли вам равно? – удивился мужичок, доставая из пакета кипу бумаг.

– Всё равно, – выдохнул Кирилл.

В кипе были утерянные рассказы и те, о которых он помнил: «Зов мечты» – про наркоманов, «Бордово-чёрный» –

про вампира, который хотел, чтобы пили его кровь, «Забей меня насмерть» – про влюблённую клоунессу; и рассказы, о которых он совсем забыл.

Кирилл перебирал рукописи и думал о том, почему они так важны. Да, они часть его. Но ведь он мог их переписать заново. Возможно, лучше. Не стал бы, конечно. Потерялись и потерялись. А здесь случайное возрождение. Не смог бы он их восстановить, не вспомнил бы. В рассказах он прошлый. Он же, но другой. Надо двигаться дальше.

Кирилл перевернул лист и начал писать новое.

Через неделю позвонил Валера.

– Знаешь, всё то же. Ничего не изменилось, – говорил он упадочным тоном.

– Что не изменилось?

– Сунулся я со своими старыми картинами и получил по мордасам.

– Сожжёшь? – поинтересовался Кирилл.

– Нет, – отозвался улыбкой Валера, – это же прошлое...

– Да.

Кирилл разослал первые десять глав романа издателям, и посыпались звонки. С первым он говорил вежливо, с пятнадцатым угрюмо кивал трубке. Потом отключил телефон. Роман получился. Надо было писать. А потом продаваться дороже.

Кирилл положил перед собой чистый лист бумаги и вспомнил, что первый роман написал в пять лет. «Чёрный парусник» – так он назывался. Много героев, загадочные убийства и даже любовная линия, где девушка доводит до помешательства своего любимого, и он прыгает за борт. Подробностей Кирилл не помнил.

«Было бы интересно его перечитать», – подумал он.

Тетрадки, в которых написан роман, были отправлены на помойку мамой вместе со школьными тетрадями...

Раздался звонок в дверь.

Всё тот же мужичок в поношенных одеждах и с затёртой фразой:

– Вы не хотели бы вернуть утерянное, то, о чём сожалеете?

– Сколько? – поинтересовался Кирилл.

– Тысяча, – отозвался незнакомец.

– Нет, – сказал Кирилл и захлопнул дверь, успев увидеть кончик той самой тетради, доставаемой из пакета.

Его роман пользовался успехом и моментально испарялся из магазинов.

Кириллу нравилось заходить в магазины и смотреть, как расхватывают книгу. Новенькая, пахнувшая типографской краской.

Как-то, заскочив в книжный магазин, он впал в ступор. Рядом с его романом стояла книга, которая покупалась лучше. Но не это было главное. Книга называлась «Чёрный па-

русник» и стоила тысячу рублей.

Кирилл схватил томик и стал жадно перелистывать. Это был его текст. Немного стилизованный, но его! Только автором значился С. Кириллов. В первый раз за последнее время он купил книгу в дорогом магазине, а не в старой книге.

Пришёл домой и вчитывался, внюхивался, вгрызался в страницы. Прошлое нахлынуло огромной волной и оглушило. Он помнил теперь написание каждой буквы своих тетрадей.

Вспомнил и события, не связанные с романом. Как они из Зеленогорска на трехколёсных велосипедах поехали в Москву. Он был уверен, что за день вполне можно побывать в Москве и вернуться обратно. И за каждым поворотом дороги он обещал друзьям: «За следующим поворотом мы точно увидим Кремль». Только к середине дня он понял, что до Москвы не доехать, и они повернули обратно.

Вернулись вечером. Все ужасно волновались. Так, что забыли дать нагоняй.

Вспомнил, что года в три-четыре написал стихотворение. О цветочках-розочках, но с глубоким философским смыслом. Так он сейчас вспоминал. Он помнил строки лет до десяти, а сейчас осталось ощущение...

«Вот бы»... – подумал Кирилл.

Звонок.

Кирилл не узнал этого человека.

На пороге стоял низенький толстячок в шикарном костю-

ме и лакированных штиблетах, в руках дипломат. Из-под шляпы с широкими полями вылезали щёки.

Только по взгляду Кирилл узнал бомжеватого мужичка.

– Вы не хотите... – вальяжно начал незнакомец.

– Хочу! – выкрикнул Кирилл и выхватил тысячу, это теперь были не деньги.

– Сто тысяч, – размеренно произнёс незнакомец.

Это была почти сумма гонорара.

У Кирилла оставались эти деньги. Он без сожаления отдал эту пачку, получив взамен извлечённый из дипломата листок, сложенный вчетверо.

Кирилл бережно развернул бумажку, прочитал свои ко-
ржавые строчки, улыбнулся, перевернул лист и начал писать
новый роман.

Расстрел

Его расстреливали.

Красная кирпичная стена, соединяющая горизонты и вычеркивающая большую часть неба. Вытоптанная полоска земли – дорога, проходящая вдоль стены. Только по этой дороге не ходят... На ней скорчившись уходят. Уходят в небытие.

Залп. Иногда пули не задевают мишень, но они втыкаются в стену, разбрызгивая калечащее крошево.

Залп. Бывает, что-то горячее вопьется в плоть, одарит жжением.

А лица палачей как будто знакомы. Лица смазаны обстоятельствами, но кажется, что вот там жена, там сын, здесь мать, чуть дальше брат, ближе друг.

Залп. Случается боль. Всепоглощающая, медленно стекающая.

Его расстреливали. Мое хорошее настроение расстреливали.

Линия жизни

У меня очень короткая линия жизни. Когда мне сказали, что от этой линии зависит продолжительность бытия, что к людям с такой аномалией смерть приходит рано, я огорчился. Однако тут же нашел решение. Взял ручку и исправил недосмотр природы. Линия синяя, жирная, негармонирующая с телесным цветом была длинной. С той поры я дорисовывал линию каждый день.

Когда у меня спросили: «Кем ты хочешь быть?»

Я смотрел, как обычно, в свои ладони и, не задумываясь, ответил: «Я буду художником».

«Да-да, – думал я, – мне нужно научиться рисовать линию на своих ладонях в тон кожи. На всех картинах я буду рисовать людей с длинными линиями жизни».

Я стал художником. И даже нашел цвет продолжения моей линии жизни, делающей ее почти неотличимой от начала. Именно когда я почувствовал себя художником, я влюбился. У нее была такая же короткая жизнь, и она совершенно не умела рисовать.

Мы пили вино на крыше. Она ходила по парапету, заразительно смеялась и кричала:

– Пусть наши жизни коротки, но давай их сделаем великолепными! прекрасными! чудесными!

Когда я предложил дорисовать ей линию жизни. Она так улыбнулась, что вся нежность во мне вспенилась и брызнула через поры.

– Судьбу не обманешь, – сказала она игриво, – давай радоваться друг другу!

Но радовались мы недолго. Я перестал рисовать. Мне говорили: «Ты талантлив, молод, востребован! Не ломай себя ради бабы!» Она мешала. Мешала требования внимания, требованиями любви. Мешала своим существованием. Я злился. Злился и отталкивал ее. И решил, что искусство важнее и навсегда. Оставил измазанную палитру, несколько измятых тюбиков, ее портрет, подправил линии на ладонях и ушел.

И больше никогда не любил.

Заказы сыпались один за другим, я выставлялся в Европе, США, Японии. За этой цветной мишурой я даже забывал дорисовывать себе линии. На всех картинах я рисовал ладони. Это было моей фишкой. Ладони с очень длинными линиями жизни. Этого было достаточно.

Однажды я оказался в родном городе. Я шел и продумывал новую картину.

Вдруг, будто погасили свет. День померк и только картина у бачка на помойке светила. Это был ее портрет. Моей кисти. «Настоящее признание, мои картины даже на помойке вы-

ставляют», – с горечью подумал я. Но не это было главное.

Ее лицо было таким настоящим, таким близким и дорогим. . . Я вспомнил всё, что с нами было. Она смотрела на меня, а я сквозь слёзы смотрел на ее ладони – короткие линии жизни.

Я перевел взгляд на свои руки – короткие линии жизни. Как они совпадают. Как они совпадали. . .

«Я и не жил больше, с тех пор, как мы расстались», – понял я.

Хотел взять портрет, но передумал.

С усилием отвернулся, включил день. Достал ручку, исправил линии на ладонях и пошел дописывать свою жизнь.

Бухгалтерия жизни

Святослав стоял в сером новом костюме на куче кутюлей и смотрел на проплывающие в небе облака, похожие на людей.

«Интересно, что в тюках?» – подумал Святослав.

В них был упакован всякий хлам: норковые шубы, шёлковые отрезы, такие костюмы, как у него, серебристые Мерседесы и плазменные панели, вещающие о мировом кризисе, курсе доллара, стабильности евро, всё это перемежалось кадрами потоков купюр и цветными диаграммами.

Святослав почесал нос, порылся в карманах, вытащил крышку люка, бросил на тюки... Прячущиеся в карманах монтировка, лопаточка для переворачивания блинов, гаечный ключ полетели следом.

Вдруг Святослав заметил, что на плече у него приютилась соломинка. Аккуратно, двумя пальцами он снял её с ткани и отпустил. Когда соломинка опустилась на поверхность кутюлей, раздались позывные «Дома 2 +2 умножить на 4», протяжный вопль, сопровождаемый хрустом, – звук этот исходил откуда-то снизу.

Святослав стал спускаться.

Ниже тюков сидела бочкообразная бабка Клавдия, за кружкой чая рассказывающая соседке о том, что у неё очень маленькая пенсия, и о зяте, у которого воняют но-

ги, который козёл, совершенно неумный, потому что ничего не понимает в «Доме-2» и не ждёт «Дома-3», и у которого, судя по всему, очень маленький член, меньше, чем пенсия, хотя нос в общем-то выдающийся.

Ниже находился завод тяжёлых металлов.

Ещё ниже дед Макар пас коров, сидя на унитазе и читая Достоевского «Преступление и наказание» на английском языке. Рядом высилось строение полного собрания сочинений Льва Николаевича, возлежащее на тонюсеньких сборниках современной прозы Туркиной и Демьяненко. Под ними пряталась довольная старуха процентщица, копающаяся в дипломате, полном купюр с портретом Родиона Раскольникова и гербом в виде двух перекрещенных топоров.

Ниже были копи царя Соломона, сам Соломон. Супермаркет, полный всякой всячины, и другие сокровища, а также все цари, когда-либо существовавшие на земле и в отдалённых галактиках, со своими жёнами и детьми.

Они находились на блине, который держали слоны, стоящие на китах. Киты плавали в море, а между ними скользили огромные черепахи.

Ниже была собака, отдыхающая под сенью моря.

И в самом низу раздавленный верблюд. Даже твёрдые подошвы его ног были расплющены.

Святослав понял, что протяжный крик исходил от этого прекрасного животного. И никогда этот верблюд не плюнет в морду любопытному туристу. А причиной трагедии был

сам Святослав, скинувший соломинку с пиджака.

«Мешала тебе эта соломинка?» – воскликнул Святослав и заплакал. Он очень любил верблюдов. В ушах его стоял предсмертный вопль.

Святослав проснулся в слезах, протёр лицо ладонями под вопли будильника, призывающего к подъёму. Пинком согнал кота, обмочившего край одеяла, спустил ноги с узкой койки, нащупал стоптанные кеды.

«Надо бы джинсы и свитер постирать», – подумал Святослав, поглядывая на показания приборов и занося цифры в журнал. Скоро придёт сменщик. Надо успеть домой заскочить и бежать на дневную работу.

У метро, рядом с нищим, доящим грязной рукой пространство, в витрине бутика тянул к Святославу пустые рукава серый костюм. Понятно, почему он появился во сне. Это была мечта Святослава.

«Погоди, дружище, – улыбнулся Святослав, – когда-нибудь ты будешь моим». Костюмы надевать Святославу было в общем-то некуда, но он мечтал об этой изящной вещи. Ему было о чём мечтать, кроме костюма, но казалось, что покупка изменит его жизнь, сделает существование краше. Костюм выглядел безупречно, лишь сумма на ценнике снова задралась.

Из соседнего павильона пахнуло свежей выпечкой. Пирожки выглядели не менее привлекательно, чем костюм. Святослав сглотнул слюну и начал спуск под землю.

Хотел позвонить жене. Но на телефоне не оказалось средств. Пришлось искать терминал. Бросил себе полтинник, долго стоял и боролся с собой, сколько кинуть Кристине... Сто – мало, но себе пятьдесят – хватит. Любимая женщина, а денег – нет, так их всегда нет. Кинул двести, всё равно – не надолго.

На площадке столкнулся с Лёхой, бывшим одноклассником, тот закрывал одной рукой дверь квартиры, а другой выставлял бутерброд, намазанный чёрной и красной икрой в форме инь-яня.

– Что это? – спросил Святослав.

– Чёрная икра полезнее, красная вкуснее, – отозвался Лёша, делая широкий надкус. – Они дополняют друг друга.

Святослав сглотил слюну. Он подумывал, не спросить ли у Лёши в долг, предчувствуя, что до зарплаты не дотянуть и кеды совсем сносились.

– Вчера плазменную панель купил, – предупреждая вопрос, похвастал Леша.

– У тебя же вроде в каждой комнате по телевизору, и на кухне, – удивился Святослав.

– В туалете не было... У тебя нельзя одолжить тыщ пять-шесть... баксов?

Святослав поёжился от слова «тысяча», у него побежали по спине мурашки, а от названия иностранных валют стало плохо.

– Ах, ну да, – отмахнулся Лёша. – Ты приходи, у меня день рождения скоро.

Перед Святославом стал длинный список ближайших дней рождений и прочих торжеств.

– Наверное, не смогу, – отмахнулся Святослав.

– Заходи-заходи. Послезавтра.

«До зарплаты», – прикинул Свят.

На пороге квартиры встретила дочка, неоплаченные счета и широкая Клавдия Петровна: «Оплатишь?»

«Папочка, я себе платьишко присмотрела красивое-красивое, – защебетала дочка. – И недорогое».

Святослав кивнул и Клавдии Петровне, и счетам, и дочке.

– Тысячу, папочка, – дочка посмотрела просительно.

Свят достал штуку. Дочка ещё не работала, училась в институте.

Придётся отказаться от обуви и джинсов. «Свитер и джинсы стирать не надо – лучше сохранятся», – подумал он.

Появилась Кристина.

– Сладкий, привет!

Святослав, обняв жену, окунулся в её родной цветочный запах.

– Ты так пообтёрся, надо бы тебе джинсы купить и обувь, – кивнула Кристи.

– Надо, – согласился Святослав.

– Свят, если вечером будешь заходить, купи хлеба! – закричала из своей комнаты тёща, – сыра, молока, кофе, чай, сахарный песок – три килограмма.

Святослав закатил глаза, повторяя список.

– Хорошо, – кинул он.

– Я тебе поесть приготовлю, – улыбнулась Кристи. – Ты же сейчас убегаешь?

– Да, я съел бы чего-нибудь, – отозвался Святослав и пошёл в комнату.

Он открыл денежный ящик, так он его называл. Правда, там было больше упаковок для денег, чем самих средств. Был конверт – отданные долги, подаренные деньги, зарплата «котельная», зарплата «харчевня», халтуры, шкатулка «мелочь», копилка «юбилейные монеты, несколько коробочек: «на брюки», «на платье», «на телевизор» и несколько пустых конвертов совсем неопределённого назначения.

Святослав вытащил отдельно отложенные сотенные купюры и положил в конверт «халтуры», записав после цифру в самодельную ведомость.

– Иди есть, милый, – позвала Кристина.

Святослав жевал бутерброд с ядовито-розовым куском колбасы и слушал щебетание Кристины.

– Представляешь, вчера забыла спросить у тебя на проезд, чуть не осталась в центре. Уже хотела звонить просить, чтобы ты за мной приехал. Потом нашла полтинник за подкладкой пальто.

– Кристи, ты же знаешь, где лежат деньги.

– Да у тебя там столько всяких коробочек, конвертиков, – отмахнулась Кристина. – В них не разберёшься. Ты же потом обижаешься, если я делаю что-то не то.

Святослав достал купюру и отдал Кристи.

– На дорогу.

Хотя Кристина не работала, она часто выбиралась в цент погулять. Красивая женщина и не должна работать, вполне достаточно, что она занимается собой, повышением интеллектуального уровня и дочкой.

– Знаешь, я делала фотографии, мой фот очень плох, надо бы его поменять.

– Нет денег! – заорал Свят.

Святослав вообще никогда бы не накричал на жену, но последнее время в нём натянулись струны, их задевали и они отзывались воплем.

– Что ты кричишь? Нет, так нет. Я же не сейчас. В перспективе, в принципе.

Струны внутри Святослава ещё звучали, но он вымученно тихо выронил «Прости».

Он думал, как бы взять кредит, где бы подработать, чтобы купить Кристи фот, но такая же ситуация была с новым шкафом, шубой и поездкой на Канары.

Свят вышел на улицу, начинался дождь. Все тучи были похожи на людей. Причём людей знакомых, все они лили соломины волос. Святослав распахнул зонт.

«Я похож на верблюда, – подумал он, – на того бедного раздавленного верблюда, как хорошо, что соломины не скапливаются на зонте, а стекают.

Свят улыбнулся. Для того, чтобы кричать «свободная каска», нужно хорошее настроение. А настроение здорово улучшается, если улыбаться.

До метро шёл пешком. Ноги не сэкономишь, а деньги на проезд – можно.

Днём позвонили и попросили выйти и сегодняшней ночью в котельную. «Ну что ж, – решил Святослав, – лишняя копейка не помешает».

Он сменил тысячи специальностей, умел всё, но любила его только работа да жена, а остальное проходило мимо. Несмотря на то, что материальный вопрос вставал с каждым днём все острее, Святослава мало интересовал материальный мир. Но мир материален – вопило всё вокруг.

Вечером он по привычке понюхал выпечку, хотел поздороваться с другом, протягивающем пустые рукава, но вместо приглянувшегося костюма манекен нёс на себе рубашку, жилет и широкие штаны.

Святослав от удивления ухтыкнул. Звукнули внутри струны, неожиданные слёзы хлынули из глаз. Этот костюм действительно уже стал другом. Капли на ресницах делали мир фантастическим, фонари закачали своими соломенными шевелюрами из стороны в сторону: «Что ж ты так? Тво-

его друга купили...»

«А к чему мне костюм? – подумал Свят. – Сэкономил на костюме».

При входе в котельную – ночную свою подработку – столкнулся с начальником.

– А, Святик, – воскликнул он, – ты напиши заявление на матпомощь. Директор обещал подкинуть тысячёнку.

– Спасибо, Лев Борисович, – поклонился Святослав.

Напарник расцвёл при виде Святослава:

– На десятку, я на кофе занимал, – и протянул мятый червонец.

– Спасибо. Хорошо, – и Святослав подумал, как распрямит десятку и положит в «отданные долги»... А с другой стороны можно и пирожок купить... рядом с пусторукавным костюмом. Нет больше костюма!.. Не к чему стремиться. Можно и пирожок!

Святослав оглядел приборы, внёс показания в журнал и плюхнулся на койку.

Верблюды были живы и весело разглагольствовали о Сократе с собакой, отдыхающей под сенью моря.

Собака тяжело дышала, грустно смотрела, а затем попросила: «Дай в долг десятку!»

В пустынном море, где-то наверху появился кит. Он вынырнул и пустил в небо фонтан.

Не десять, двадцать, – пролаяла собака.

В море всплыл второй кит.

Механика обучения

Конечно, я вспоминаю добрым словом всех своих учителей, но как бы я их не вспоминал, русский язык я знаю плохо, хоть и писатель, математику – с трудом, физику – только отдельные разделы, и лишь механику – сносно.

И в данный момент от теоретической механики перешел к практической – работаю механиком.

Учителя своего первого по механике помню отлично. Фамилия Ланда... Имя-отчество... имя-отчество, признаться, не помню. Мы его за глаза Окунем звали.

Вначале первого семестра влетает он в аудиторию, руки потирает.

«Ребята, – говорит, – такой клёв! Я с утра встал – и на Неву. Окушков килограмма три наловил. Один за другим, один за другим. Приходите в гости, – пригласил он всех, но опомнился, что на всех тридцать крупных шестнадцатилетних подростков трех килограммов будет мало, и смутился, – По двое, по трое заходите, а я ещё наловлю... Окуней!»

Потом интересовался некоторое время, что же мы к нему не заходим.

На первое занятие он вошел серьезный. Небольшого роста, стройный, подтянутый. Лысенький с сединой на висках и затылке. В сером отутюженном костюме, жилетке, белой

рубашке при галстукe – его повседневная одежда.

«Давайте знакомиться, – говорит. – Меня зовут Ланда... Анатолий Максимович (О, вспомнил!!!) Я буду преподавать у вас теоретическую механику. Занимался я боксом и шахматами...»

Мы шутили, что он боксом с шахматами занимался. Был у нас в группе Андрюха Цимбалов, боксер, так он с людьми мог боксом заниматься, Ланду головы на три выше был.

«Прошу извинить, – продолжал он, – это раньше у меня память была хорошая, а теперь – подводит. Так вот, прошу извинить, если всех вас не запомню с первого раза».

И он начал зачитывать фамилии по журналу, поглядывая в класс.

Запомнил. Всех запомнил. С первого раза.

Дядька мой узнал, что я в физико-механический техникум поступил и сообщает:

– Я тоже там учился, – и тут же спрашивает, – А кто у вас механику ведёт?

Не русский, не конструкционные материалы, не НВП, а механику!

– Да, – говорю, – такой прикольный, небольшой, лысенький...

– Ага! – подхватывает дядька. – С логарифмической линейкой постоянно ходит!

– Точно, – соглашаюсь я.

А у Окуня привычка была всё на логарифмической линейке считать, калькуляторами он принципиально не пользовался. И на линейке он вычисления быстрее делал, чем мы с вычислительной техникой.

– Ланда, – говорит дядька. – Ланда – его фамилия. Жив значит, – и улыбается.

Заходит как-то в аудиторию Окунь, довольный такой и говорит:

– Сегодня, ребята, праздник!

– Какой? – гудим мы, думая, не удастся ли пораньше домой уйти.

– Сегодня я понял, как работает волновая передача. Ну никак до меня не доходило! – и рисует на доске. Жесткое зубчатое колесо с внутренними зубьями, гибкий элемент с наружными зубьями и эксцентрик, в первом приближении это то ли на глаз похоже, то ли на пасть акулы. – Как? Как оно работает? Как движение передается? Непонятно! Так вот. Запихиваюсь я сегодня в автобус. Сотка, знаете? Он всегда переполненный. И в салон пролезаю. Люди, значит, по мне обкатываются. И вот думаю: я же, как эксцентрик в волновой передаче! Одного подвинул, тот другого!

Мы сидим притихшие, чувствуем, что-то важное происходит, и всё так живо перед глазами предстает, только всё равно непонятно.

Он выдохнул радостно, посмотрел на наши угрюмые лица

и уже спокойнее сообщил:

– Тема сегодняшнего урока «Волновая передача».

А родной брат в мой техникум пошел учиться, правда, техникум уже колледжем называться начал. Разница в возрасте у нас с братом десять лет.

– И кто у вас механику ведет? – спрашиваю.

– Да такой смешной старикашка, маленький, лысенький...

– С логарифмической линейкой ходит?

– А ты откуда знаешь? – удивляется брат.

– Учился я у него, – отвечаю и улыбаюсь, а сам думаю:
«Жив! Жив наш Окунь!»

И так хорошо-хорошо на душе.

Воспитательница

«Как мне быть? Почему мне так не везет с мужиками? Интересно, кто эта мымра, с которой он сбежал? Как притих он после вчерашнего скандала, я уже думала, что он изменил решение. А все-таки собрал шмотки и ушел тихонько. Жалко, что я спала, так бы я ему устроила прощальный салют. Он еще у меня поплачет. Напишу его начальнику, какие он с Поповым дела проворачивает. Пусть обратит внимание, какие нехорошести творятся за его спиной. Недельку подожду и напишу. Логинов, однокашник его, ко мне клеился, ну, что ж, он, конечно, не красавец, но не противный. Звонит он часто, так что определимся. Лешенька об этом однозначно узнает, пусть на своей шкуре попробует, что такое измена. А сегодня его маме позвоню. Она женщина набожная и ко мне хорошо относится. Она ему тоже расплавленным свинцом на мозг покапает...

Ведь какой гад, кобель несчастный, от раздачи не отказался! Потыкался. Уходил бы, так уходил, но изменил же ей, а врать будет, что не спал. Узнаю, с кем он, обязательно расскажу ей об этом маленьком моментике».

– Ольга Петровна, а Сидоров задирается.

Ольга отложила пилочку для ногтей, полюбовалась на безукоризненные руки, перевела взгляд на стоящую рядом девочку. Одуванчик: тонкий стебель с неестественно большой

головой. Волосы не причесаны, одежда висит и топорщится, на колготках оттянуты колени. Замарашка.

– Сидоров отнял у меня машину и толкнул.

Ольга посмотрела на Сидорова, тот, как ни в чем не бывало, возил машину между кубиками. Прыщик. Пузырь. Маленький, толстенный, круглая рожица с ненормальными глазами навывкате. Неприятный.

– Сидоров, – позвала воспитательница, мальчик обернулся. – Отложи машину и иди сядь на скамейку ближе к углу. Ты наказан.

Мальчик продолжал елозить машиной по полу.

– Сидоров, ты не понял? – Ольга, чеканя слова, продолжала, – Встал и пошел в угол. Девочек обижать нехорошо. Ты меня понял?

Пузырь поднялся и гордо покатился в угол на отсидку.

– А ты куда пошла? Иди, причешишь, – обратилась к «одуванчику» Ольга.

Какая же она все-таки замарашка.

Из детства цветными пятнами всплыли воспоминания. Тот вечер они собирались на день рождения к тете Лиде, она делала вкуснейшие торты. Отец с очередной мачехой задержались в квартире, а я выбежала на улицу. Я была пышечкой. Полненькой с пшеничными волосами и кожей цвета рафинада. Одевали меня почему-то в белое и розовое. И тогда я была в розовом платье, белых колготках, розовых сандалиях, в заплетенной и уложенной косе пышный белый бант.

На мою беду во дворе не было никого из подружек, только ненавистные мальчишки, которые постоянно цеплялись к моей чистоте. Я не стала отходить от парадной. Но меня заметил Васька. Все внутри съежилось, я приготовилась дать отпор. Драка так драка. Когда мне страшно, я держусь нагло и независимо. Тем более Васька был такого же роста, я могла ему вмазать. Но Васька подошел с цветком белого шиповника.

– Это тебе, – и он протянул цветок.

Я молча спрятала руки за спину.

– Я знаю, что мы с тобой не ладим, что мы тебя дразнили чистюлей... но чистота – это хорошо. Теперь никто не посмеет тебя дразнить.

Он еще раз протянул цветок.

– Что это с тобой случилось? – спросила я и взяла цветок.

– Слышишь, теперь никто не посмеет тебя дразнить чистюлей...

И он толкнул меня, я грохнулась спиной на землю. Кто-то заполз на карачках сзади, я споткнулась и грохнулась.

– Слышишь! – закричал кривляясь Васька под хохот товарищей, – никто не посмеет дразнить тебя чистюлей, потому что ты грязнуля!

Когда вышли отец с мачехой, я стояла у парадной и редела. Отец брезгливо оттащил меня наверх, выпорол и запихнул в кладовку, упомянув при этом, что вообще-то мое место в мусорном бачке.

Он сам был не очень аккуратен, но требовал аккуратности от других, особенно от меня. В кладовке было темно, пыльно, паучно и пахло мышами. Было страшно. Но еще страшнее стало, когда они пьяные вернулись из гостей и, не вспомнив про меня, начали стонать... Какого я страху натерпелась тогда, почти такого же, как на похоронах мамы. Я была совсем крохой, и сначала не было страшно, казалось, что мама сейчас проснется. Страшно стало, когда я поняла, что ее сейчас закопают...

– Ольга Петровна...

– Да, Леночка.

– Можно с Вами пошептаться?

– Садись, давай пошепчемся, – Ольга невольно залюбовалась, как девочка присела рядом, осмотрела себя, расправила неаккуратные складочки красного платица, сложила руки на коленях и уставилась огромными широко распахнутыми глазами на Ольгу.

– Во-первых, – заговорщицким шепотом сообщила Леночка, – Сидоров выполз из угла.

Ольга посмотрела, действительно, Сидоров осмотрительно, еще осторожничая, направлялся отвоевывать машину.

– Сидоров, – железным голосом зазвучала Ольга. – Ты наказан.

Сидоров обиженно махнул рукой и покатился обратно в угол, ожидать следующего удобного случая или амнистии.

– Во-вторых, – продолжила девочка, – угадайте, что мне

купили?

– Наверное куклу, – предположила Ольга.

– Не угадали, – засветилась от восторга девочка, – мебель для куклы!

– Да?

– Да. Там все-все-все. Ужасно дорогущая.

– Ну, ты довольна?

– Поверьте мне, оно того стоит.

– Я рада за тебя.

– Да, кстати, Володечка Горлик меня заговорил.

– Как это?

– Он ужасно болтливый.

– И как он тебя заговорил?

– Он говорил, говорил, говорил и заговорил. У меня даже голова закружилась.

– Да, он как девочка говорит.

– Хуже, много хуже. Девочки и то столько не говорят. Болтушка.

– Ты не обращай на него внимания.

– А я и не обращаю, сдался он мне. Он бедный и не красивый. А я красавица.

– Да, Леночка.

– Ладно, заболталась я с Вами! – девочка картинно взмахнула ручкой. – Побегу, дел еще невпроворот.

Ольга посидела еще минут пять, тупо прислушиваясь, как мимо скрипит жизнь, как внутри кипит желчь.

– Так, дети, собираем игрушки и идем одеваться гулять, – громко и хмуро сообщила воспитательница.

Кому-то помогла завязать шнурки, кому-то шапку, кому-то застегнула верхнюю пуговицу.

– Ольга Петровна, варежки, такие красненькие с белыми оленьчиками, куда-то подевались с батареи. Пропали, – затараторил Горлик.

– Хватит тараторить, ты под батареей смотрел? Может, они упали?

– Я и под батареей смотрел и в шкафчике смотрел. Мне их мама подарила. Она меня ругать будет.

– Нужно варежки на резинку пришивать – тогда не потеряешь.

– Сейчас я еще за батареей посмотрю.

– Горлик, все ждут тебя. Тебя одного.

– Ну, вот же они! За батарею завалились, я уж думал украли варежечки такие хорошие с оленьчиками. Вот.

Ольга стала закипать.

– Вова, тебя только ждем. Стоим и паримся.

– Все, я уже нашел. Сейчас одену.

– По дороге оденешь! Встань в строй! Пошли, дети, на выход.

Группа вышла на улицу и рассыпалась темными пятнами по снегу.

Воздух влажный, густой. Снег налип везде, на каждом предмете одета шапка, деревья из-за этого огромны. Но бе-

лизна снега не дает света – день мрачный, тусклый. Низкое темное небо, того и гляди разрядится новым осадочным залпом. Серые глыбы домов угрюмо поблескивают зажженными желтыми окнами. Однако, не очень холодно.

«Не завить бы сейчас, – подумала Ольга. – Сбежать! Да бежать некуда. В настоящем плохо, в прошлом того хуже, и будущее не обещает ничего хорошего».

Единственным светлым моментом из детства казалось было то, что она подставила Славика. Это было уже после смерти отца, когда ее взяла тетя Лида. Славик, шкодный мальчишка, сын тети Лиды, как только не измывался. Улитки, червяки, лягушки, все побывало за шиворотом у Ольги. В кровати один раз оказалась змея. Как это было противно. И все ему сходило с рук. Приходилось бороться собственными силами. И вот однажды Славик долго таскался с дохлой кошкой, не решаясь применить ее в своих пакостных целях. В конце-концов он ее бросил у помойки и стал искать другую забаву. Все видели, что он таскался с кошкой, тетя Лида даже отчитала его, но никто не видел, что я взяла эту дохлятину и положила ее в большую суповую кастрюлю. Каких трудов мне это стоило! Целый день меня выворачивало наизнанку, и дня три я не могла есть. Как я, такая брезгливая от природы, могла решиться на такой подвиг? Эффект от проведенной воспитательной работы был отменный. Настроение у тети Лиды в тот день было препротивнейшее, а тут еще дохлая кошка в кастрюле. Славик неделю не мог сесть, а для меня

закончились времена ужей, жаб и улиток.

– Ольга Петровна, посмотрите! – воскликнул подбежавший Горлик. – Посмотрите, какого мы снеговика слепили. Отменный снеговик!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.